

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**на диссертацию ЯКОВЛЕВА МАТВЕЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА
на тему: «Диссертационная культура в работах российских историков
(2014-2020 гг.)», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 –
Историография, источниковедение и методы исторического
исследования**

Исследования диссертационной культуры представляют собой относительно новый тренд в науковедении, создающий фокусировку тематических волн и методологических приемов, которые наполняют собой страницы научных квалификационных сочинений и выполненных к ним рецензий. Этому как нельзя лучше способствуют контексты успешного развития социологии и антропологии науки, а также интеллектуальной истории (в широком смысле) последних десятилетий, поскольку они позволяют внести в изучение историографических практик человеческое и социальное измерение, которые переводят ученых из эфира оторванной от социальной реальности традиционной истории идей в настоящие «жизненные миры», отмеченные дрейфами социокультурных и политических ситуаций, поколенческих разрывов, гендерных нюансов, процессами всевозрастающей цифровизации любых, в том числе, академических коммуникаций.

В этом отношении работа, представленная М.Е. Яковлевым к защите, отличается несомненной актуальностью. Автор справедливо пишет о сложном и противоречивом пути, преодоленном национальной системой научной квалификации, в которой уникальным образом сложились отечественные традиции и заимствования зарубежных академических канонов. Стоит только приветствовать его намерение изучать диссертационную культуру как «рациональную процедуру», удостоверяющую качество кадров высшей научной квалификации, по сути, формирующих ключевые тематики и приоритеты развития современной

исторической науки в России; попытку дополнить «безликую статистику» цифр о защитах содержательным анализом.

Не вызывают возражений хронологические и территориальные рамки, формулировки объекта и предмета исследования. Наверное, имеет право на существование и периодизация развития пресловутой культуры, основанной на бюрократических трансформациях организационной деятельности диссоветов и аттестационных инстанций, а не социокультурных и идеологических сдвигов, переживаемых сообществом историков.

Но ретроспективный обзор истории диссертационной культуры в России выглядит эклектичным и определенно вызывает вопросы: в нем не отмечена общеевропейская преемственность научного историописания, в том числе российского, с немецкой традицией «исторического метода», уходящего корнями к фон Ранке; не показана связь дореволюционной системы защит с последующей советской; с большими купюрами представлена диссертационная история советского периода. Кажется эвфемизмом попытка найти здравый смысл в периоде идеологического «закручивания гаек» по отношению к историкам эпохи нарождающегося сталинизма, в результате чего знаменитое «Академическое дело», сломавшее судьбы десяткам профессионалов с дореволюционным образованием, даже не упомянуто. Совсем не прокомментирован автором период 1960-1980-х гг., из 1950-х им совершен мысленный прыжок сразу в 1990-е, но даже там, где выделяются другие периоды развития диссертационной культуры, связанные с ней социо-политические и идейные контексты, причинно-следственные коллизии почти не представлены. В этом отношении заявленный автором в качестве основополагающего принцип историзма не выдержан в диссертации в полной мере.

Уязвима для критики методологическая часть диссертации. М.Е. Яковлев справедливо критикует массив исследуемых им докторских диссертаций за конформистский стиль изложения теорий и методов, часто сводящийся к «ритуальному» упоминанию типологии И.Д. Ковальченко. Но

его собственный методологический раздел выдержан в столь же лапидарном ключе: помимо принципа историзма упоминается «историко-социологический» метод по версии В.И. Уколовой, историко-типологический метод, и метод тематического анализа. Всуе, без детализации и уточнения по периодам развития или именам ученых упоминается школа «Анналов» и ее приверженность междисциплинарности. Из арсенала методов, выделенных Ковальченко, автор перечисляет методы общенаучные, но почему-то игнорирует методы специальные, хотя, как и любой историк, несомненно, применяет их в работе.

Автор (с. 34) усматривает научную новизну своей работы в применении наработок социологии и библиометрии, но первая, при всем концептуальном богатстве социологии науки, в качестве теоретической основы даже не упоминается, а вторая в настоящее время базирует свое новаторство на алгоритмах искусственного интеллекта, позволяющих извлекать из массива сфокусированных данных абсолютно точные, эмпирически воспроизводимые выводы о ключевых понятиях, связанных с ними семантических сетях, лидерах научного мнения, географических центрах распределения тематик и т.д. И тот, и другой ресурсы пока не нашли своего применения в рассматриваемом исследовании.

Пожалуй, в наибольшей степени цифровая наукометрия могла бы помочь в формировании тематической номенклатуры диссертаций, которая предопределила и структуру самой диссертации. Компоновка разделов выглядит достаточно случайной. Непонятно, почему первая глава «Актуальные проблемы исторической науки: историко-статистическое исследование» содержит в себе гендерные особенности, статистику по научным специальностям (чуть менее 20 страниц) и произвольно сформулированные темы по Истории России (чуть более 70 страниц, но 63 процента от общей статистики защищенных диссертаций). Вторая глава «Современные подходы к изучению всеобщей истории в России» (более 100 с.) включает в себя анализ докторских диссертаций по всеобщей истории,

выдержанных на этот раз по хронологическому, а не тематическому, принципу, в количестве 13 процентов от общего числа защит, также параграф о методологической культуре всех историков. Выбранная структура диссертации и рубрикации тем нуждаются, как минимум в дополнительном обосновании.

Если блок работ, названный «военная история» выглядит вполне консолидированным по смыслу, то тематическая подборка «история образования и историческая демография» включает в себя, помимо этих двух несвязанных рубрик, молодежную политику и воспитание детей, материнство и благотворительность, различные роли Русской православной церкви и историю музеев. Анализируя, автор не рассматривает применяемые исследовательские парадигмы, случайным образом сообщая об основной содержательной идее диссертации и приходя к выводу о «положительном» или «отрицательном» влиянии рассматриваемого явления на социальную среду, что является явной смысловой редукцией. Так, например, рассуждая об истории религии, автор пишет: «Большинство авторов, как изучающих православие, так и изучающих ислам, отмечают современный период истории России как положительный для изучаемой религии. И это тоже важно — изучение религии лишено протестных коннотаций» (с. 91). Разве смысл написания докторской диссертации по истории коренится в создании благоприятных условий для развития религий и сотрудничества религий с государством?

Раздел, где собраны работы по истории российских регионов автор почему-то он называет регионоведением (С. 94), чего делать нельзя, поскольку регионоведение — это новая, но уже устоявшаяся гуманитарная дисциплина, специализирующаяся на создании комплексных характеристик региона широко за пределами его исторических характеристик. Очерченную в соответствующем подразделе тематическую специализацию в историографии называют региональной, или локальной историей. Автор однозначно оценивает ее как не самую значимую, и возможно, неподходящую

для докторских диссертаций. «Мы позволим себе смелую гипотезу о том, что такая специализация весьма затрудняет выход на какие-либо исторические обобщения, на познание логики исторического процесса, они есть торжество, следуя типологии А.С. Лаппо-Данилевского, идеографического начала в историографии, познание уникального ради его уникальности» (с. 101). Лаппо-Данилевский, не являвшимся изобретателем данной типологии, а лишь с открытым сердцем воспринявший терминологию и идеографический подход неокантианцев, как раз был, скорее, на стороне ценителей уникального исторического опыта.

Но и спустя почти 150 лет в эпоху постпозитивизма категорически нельзя согласиться с выводом автора о том, что в истории страны, особенно столь обширной и многообразной, как наша, нужны лишь широкие обобщающие исследования, и что подъем региональной истории является следствием непреодоленного методологического кризиса после краха марксизма-ленинизма. В западной исторической науке, не познавшей в такой мере подобного кризиса, бум «региональных диссертаций» породил третье поколение Анналов, микроисторию 1990-х и сейчас, кажется, уже никого не нужно убеждать, что величественная геоистория Ф. Броделя как призма научной оптики не лучше и не хуже, чем уникальный труд о Монтайю Э. Ле Руа Ладюри. Значимость научного проекта по истории совсем не обязательно должна быть связана с географической и хронологической широтой обобщений.

В целом, к сожалению, тематическая выборка работ в первой главе зачастую выглядит довольно незаинтересованной и случайной, направлена на пересказ фактологии, часто сопровождаемый неоправданно длинными прямыми цитатами, и не позволяет рассуждать о характере применяемых авторами исследовательских инструментов, которые можно было бы выявить при другом подходе к анализу текстов.

Вторая глава о всемирной истории отличается значительно большим вниманием к содержательной специфике диссертаций, чем первая глава об

истории России. Автор в ней последовательно фиксирует тематические рубежи внутри устоявшейся в мировой научной практике эпох Античности, Средневековья, Нового и новейшего – с разделением на периоды до и после Второй мировой войны – времени, делает обоснованные выводы о «вездесущности» принципа историзма и привычной «протокольности» упоминания методов по Ковальченко. Представляет несомненный интерес рассуждение, связывающее докторские диссертации историков С.А. Васютина и Г.Г. Пикова, почти синхронно защитивших в одном диссовете свои диссертации на сходную тему, но с диаметрально противоположными выводами, исходившими из разных методологических предпочтений (с. 164-171). И все же вторая глава, имеющая более последовательную структурно-логическую основу, выявляющая внутренние дискуссии профессиональной среды и создающая корректные к ним иллюстрации, тем не менее, обнажает и новые лакуны в методологических представлениях самого диссертанта.

На протяжении многих страниц декларируется либо хронологический, либо проблемный принцип компоновки научного текста на примере диссертаций, хотя в действительности повсеместно практикуемым является проблемно-хронологический подход, снимающий всякую противопоставленность этих двух оснований. Более того, с некоторых пор историки вне обозначенных условий практикуют «метопанорамный» подход, ранее присущий, скорее, публицистике, когда в центр повествования ставится некоторое событие, которое рассматривается в виде порождаемых им отдельных «петель времени», характерных для различных социальных сред.

На основании текста диссертации сложно понять, что именно автор вменяет в вину историческому позитивизму, которому, на его взгляд, почему-то следует иметь своей принадлежностью «факторный анализ» и исторический извод теории модернизации. (с. 160-161)

Вопреки заявленному, П. Рикёр на протяжении всей своей жизни углублял интеллектуальный диалог с французскими историками. Поздний Рикер в последнем своем труде говорил об «Апологии истории» Блока как о

великой книге, где уже есть все нужные аргументы для дискуссии с критиками «ремесла историка».

Нельзя «через запятую» помещать в один семантический ряд социологию, антропологию и психоисторию (например, с. 208) – это совершенно неравномерные для сравнения сущности: институционально состоявшиеся науки с фундаментальным теоретическим основанием и малую предметную область – региональную школу исторических интерпретаций фрейдизма, существующую крайне обособленно.

Почему автор считает «социетальный подход», заявленный в одной из диссертаций – редким? (с.232) Это как раз наиболее употребимый подход социальной истории, восходящий к классическому функционализму Т. Парсонса и рассматривающий общество как целостность, создаваемую деятельностно разделенными усилиями различных социальных групп.

Решительно нельзя согласиться с выводом о том, что рассматриваемые диссертации отражают «тихую ревизию марксизма» в отечественной историографии: по мнению автора, «речь скорее о сугубо инструментальной стороне марксистско–ленинской историографии, выражающейся в материалистическом взгляде на исторический процесс, особом внимании к истории социальных групп и идеологии как явлению, источниковедческой парадигме». (С. 215) . Но почему материалистические «следы» должны относиться именно к марксистско-ленинской парадигме? Вся социальная история отмечена вниманием к социальным группам и их идеологиям – это общая черта всех общественных наук в XX веке. Источниковедческую парадигму следует все же вернуть в арсенал позитивизма, а не марксизма.

Складывается впечатление, что в представлениях диссертанта марксизм противостоял всей западной гуманитарной мысли и фактически этот конфликт сводится к противостоянию материального и культурного/идеального (а победивший культурный детерминизм – это еще и постмодернизм) (с. 240). Но реальность разносторонних историографических рецепций в XX и XXI веке является гораздо более

сложной. Марксизм оказал колоссальное влияние на европейские социальные науки и социальную историю, в частности, постмодернизм отвергал все без исключения концепции европейской мысли эпохи модерности. Дихотомия «материального» и «идеального» была преодолена еще в 1930-х как искусственная и ныне не применяется как категория анализа в большинстве современных концепций социального мира: этого противопоставления нет ни в «габитусах» у Бурдьё, ни в концепции «социоприроды» у Латура, ни тем более, в трудах историков школы «Анналов» любого поколения.

В целом, высказанные замечания не умаляют основных достоинств диссертации, состоящих в раскрытии перспективной, актуальной для профессионального сообщества и оригинальной темы. Диссертация М.Е. Яковлева «Диссертационная культура в работах российских историков (2014-2020 гг.)» является самостоятельной научно-квалификационной работой, ее содержание соответствует паспорту специальности 5.6.5. – историография, источниковедение и методы исторического исследования и требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям согласно «Положению о присуждении научных степеней» (утверждено постановлением Правительства от 24 сентября 2013 г.), а ее автор М.Е. Яковлев заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5. - историография, источниковедение и методы исторического исследования

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории древнего мира,
средних веков и методологии истории
Национального исследовательского
Томского государственного университета

Трубникова Наталья Валерьевна

10 сентября 2024 г.

Адрес места работы:

634050, г. Томск, пр. Ленина 36, т. +7 (3822) 829-852, e-mail: rector@tsu.ru

Подпись удостоверяю
ВЕДУЩИЙ ДОКУМЕНТОВЕД
АНДРИЕНКО И. В.

